На правах рукописи

Матренин Сергей Сергеевич

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ
(по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.)

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Барнаул – 2005

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета

Научный руководитель:	кандидат исторических наук, доцент Тишкин Алексей Алексеевич
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор Худяков Юлий Сергеевич; кандидат исторических наук, доцент Ширин Юрий Викторович
Ведущая организация:	Горно-Алтайский государственный университет

Защита состоится 20 декабря 2005 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете по адресу: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан «___»_____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор Е.В. Демчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение социальной структуры древних и средневековых народов – одно из перспективных направлений современной отечественной археологии, представляющее отдельную субдисциплину (Васютин, Крадин, Тишкин, 2005). Комплексное исследование структуры общества Горного Алтая хунно-сяньбийского времени не предпринималось. Вместе с тем включение данного региона в орбиту военно-политического влияния кочевых империй хунну, сяньби, жужаней открывало новый этап этнокультурного и социального развития. Отражением этого стало появление самобытной общности, известной по результатам раскопок погребений булан-кобинской археологической культуры. Ее формирование происходило на полиэтничной основе и определялось сложными формами социального взаимодействия нескольких родоплеменных групп. Имеющиеся в литературе суждения об этих процессах носят пока обзорный характер и недостаточно аргументированы археологическими источниками. В настоящей работе впервые предлагается опыт моделирования социогенеза номадов северной окраины кочевых империй Центральной Азии, на положении которой Горный Алтай находился с конца I тыс. до н.э. и до создания в 552 г. Великого Тюркского Каганата. Реконструкция социальной структуры населения булан-кобинской культуры открывает перспективы для понимания еще слабо разработанной по археологическим памятникам Саяно-Алтая раннего железного века и средневековья проблемы взаимоотношения разных «этнических» сегментов в рамках одного социокультурного организма, поскольку двойной (этносоциальный) принцип стратификации был базовым для большинства древних и традиционных обществ. Кроме всего, сформулированные сейчас уже в нескольких монографиях обобщающего характера рекомендации поэтапного выполнения палеосоциального анализа требуют продолжения поиска эффективных методик для более детального изучения социального устройства конкретных народов прошлых эпох.

Объектом исследования предлагаемой работы выступает культура кочевников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени.

Предметом изучения являлись погребальная обрядность и социальная структура носителей булан-кобинской культуры.

Цели и задачи работы. Основная цель работы состоит в проведении реконструкции социальной структуры населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. на основе комплексного анализа данных из погребальных памятников названного хронологического периода. Для ее выполнения поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть сложившиеся в литературе точки зрения и подходы на проблемы этнокультурной, хронологической, социальной интерпретации погребальных комплексов Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.; 2) провести сбор и детальную систематизацию материалов всех известных

на сегодняшний день погребений булан-кобинской культуры; 3) установить общие, особенные, единичные признаки погребальной практики «булан-кобинцев» (изучить топографию и планиграфию могильников, провести классификацию погребальных сооружений и способов захоронения, дать характеристику других элементов ритуала), определить этнокультурное, хронологическое, локально-территориальное содержание ее составляющих; 4) выполнить корреляцию ведущих показателей обряда захоронения для интерпретации различий памятников в рамках определенных таксономических категорий, а также выявить традиции его реализации; 5) опираясь на теоретический и практический опыт изучения социальных отношений по данным погребальной обрядности, разработать программу палеосоциального исследования; 6) осуществить половозрастной анализ материалов и обосновать комплекс социально значимых признаков, выявив маркеры полового, возрастного, профессионального, социального, имущественного положения покойных; 7) провести реконструкцию палеодемографической ситуации и физико-генетической структуры общества; 8) обосновать критерии и принципы, позволяющие соотнести статус человека в рамках социально-имущественной и профессиональной стратификации, провести моделирование социальной структуры; 9) охарактеризовать социальную организацию булан-кобинских кочевников.

Территориальные рамки работы охватывают Горный Алтай, под которым понимается самостоятельная часть Саяно-Алтайской орографической системы, образованная категориями рельефа разного возраста и генезиса, граничащая с севера с Алтайской лесостепью. Особенности геологического строения обусловили его разделение на несколько районов: Северный, Северо-Западный, Центральный, Восточный, Юго-Восточный, Южный Алтай.

Хронологические рамки исследования определяются периодом существования булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – 1-я пол. V в. н.э.), в развитии которой выделены следующие этапы: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомский (II – 1-я пол. IV вв. н.э.), верх-уймонский (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) (Тишкин, Горбунов, 2005). Для обозначения этого хронологического отрезка нами используется термин «хунно-сяньбийское» время, наиболее адекватно передающий содержание культурно-исторических процессов, протекавших в Центральной Азии, и заключающий в своем названии наименования политических объединений номадов, оказавших доминирующее влияние на ход развития этого региона.

Источниковая база исследования включает следующие материалы:

1. Данные раскопок 607 курганных и впускных погребений на 39 могильниках из публикаций, научных отчетов, полевой документации, находящихся в архивах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ (г. Барнаул), Института археологии РАН (г. Москва), Института алтаисти-

ки им. С.С. Суразакова (г. Горно-Алтайск), Лаборатории гуманитарных исследований НГУ (г. Новосибирск), Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Лаборатории исторического краеведения БГПУ (г. Барнаул)*. Основная масса этих объектов происходит из Северного (279), Центрального (227), Восточного (55), а небольшая группа – из Юго-Восточного (20), Южного (14), Северо-Западного (12) Алтая.

2. Результаты антропологического исследования костных останков 260 умерших людей, проводившиеся в разные годы А.Р. Кимом, Д.В. Поздняковым, С.С. Тур, Т.А. Чикишевой, отраженные в печатных изданиях и описях фондов Кабинета антропологии АлтГУ.

Определенную роль в разработке темы играли письменные китайские хроники в виде систематизированных переводов Н.Я. Бичурина, В.С. Таскина, а также построенные на их использовании фундаментальные исторические труды Л.Н. Гумилева, С.Г Кляшторного, Н.Н. Крадина, Е.И. Кычанова, Д.Г. Савинова, А.М. Хазанова и некоторых других специалистов.

Методология и методы исследования. Главным основанием диссертации был системный подход, базирующийся на принципе диалектической взаимосвязи части и целого, а также частей в целом, при изучении объектов как динамичных, эволюционирующих систем. Его предметный аспект предполагает проведение структурно-компонентного анализа посредством корреляции результатов применения различных методов (Юдин, 1973; Синельников, Горшков, Свечников, 1999). Исходным для нас являлось положение, что общество это многоуровневая система (Сорокин, 1992), в горизонтальной проекции которой находится половозрастная, семейно-брачная, а в вертикальной – социально-имущественная, профессиональная, властная, генеалогическая структуры. Важной методологической посылкой выступала идея «опредмечивания» социального статуса, согласно которой в представлениях древних людей общественное положение человека полностью сохраняется после смерти, выражаясь посредством некоторых знаковых средств, получавших свое преломление в качественных и количественных параметрах обряда захоронения (Васютин, Крадин, Тишкин, 2005).

Для извлечения и интерпретации информации, заключенной в погребальном обряде, применялись картографический, планиграфический, классификационный, типологический, корреляционный, сравнительно-исторический, описательный методы, статистическая обработка, метод изучения традиций ориентации умерших по сторонам горизонта, моделирование, специальные примы палеосоциального исследования. В классификационных построениях и реконструкциях социальных отношений задействованы подходы, базовые принципы и

---

*Автор выражает благодарность М.А. Демину, Ю.Т. Мамадакову, А.С. Суразакову, В.И. Соенову, А.А. Тишкину, Ю.В. Тетерину, Ю.С. Худякову за предоставленную возможность изучения неопубликованных материалов при подготовке диссертации.

категориальный аппарат из разработок Г.А. Федорова-Давыдова (1966), И.Л. Кызласова (1983), Е.П. Бунятян (1985), Д.Г. Савинова (1988, 1995), Л.С. Клейна (1991), В.С. Ольховского (1991, 1995), В.М. Массона (1996), С.А. Васютина (1998), Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997), Н.П. Матвеевой (2000), Н.Н. Крадина (2001), А.А. Тишкина и П.К. Дашковского (2003), А.В. Кондрашова (2004) и других исследователей.

Социальная структура рассматривалась нами как совокупность иерархических общественных связей, отражающих положение отдельных индивидов и групп, а также в виде комплекса функционально значимых для общества позиций и институтов (Васютин, Коротаев, Крадин, Тишкин, 2005). Ключевыми при ее характеристике были такие понятия классической социологии как «стратификация», «статус», «группа».

Научная новизна. В работе впервые в рамках единой культурно-хронологической концепции проведена реконструкция социальной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени и отражена наиболее полная на сегодняшний день систематизация данных погребального обряда по памятникам II в. до н.э. – V в. н.э., в том числе, из новых и малоизвестных неопубликованных комплексов. В диссертации осуществлен детальный многоаспектный анализ и интерпретация различных элементов погребальной практики, рассматривается вопрос о происхождении традиций ее реализации. Важным направлением стало воплощение комплексной программы палеосоциального исследования и попытка моделирования этносоциальных отношений. В исследовании подробно освещена историография всего спектра проблем изучения булан-кобинской культуры.

Научно-практическая и теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные выводы и обработанные данные могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов по этнокультурной и социальной истории Алтая, написании спецкурсов для ВУЗов, соответствующих учебно-методических пособий, проведении реконструкций этносоциальных систем других народов Центральной Азии раннего железного века и средневековья, выявления моделей взаимодействия центра и окраины различных кочевых империй Евразии в конкретных исторических условиях. Предложенные нами схемы анализа могут применяться в ходе систематизации новых материалов, а также разработки новых методов и приемов интерпретации погребальной обрядности как исторического источника.

Апробация исследования. Некоторые положения и идеи диссертационного сочинения опубликованы в 14 работах, среди которых материалы выступлений на региональных, всероссийских и международных конференциях, проходивших в г. Барнауле, Омске, Томске, Новосибирске, Кемерово, Иркутске, а также статьи и раздел коллективной монографии «Социальная структура ранних кочевников Евразии» (2005).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на четыре параграфа, заключения, списка литературы (архивные материалы и библиографический список), списка сокращений, приложения, в котором содержится несколько блоков текстового, табличного и иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во ***введении*** обоснована актуальность темы, объект и предмет исследования, определены цели и задачи, территориальные и хронологические рамки, источниковая база, обозначены методология и методика изучения материалов, научная новизна работы, значимость полученных результатов, апробация и структура диссертации.

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1. Открытие первых памятников и начальный этап их осмысления

Данный этап изучения памятников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени охватывает 2-ю пол. XIX в. – 70-е гг. XX в. и характеризуется как период первоначального знакомства с материалами, занимающими промежуточное положение между древностями скифского и тюркского времени. Открытие на этой территории погребений указанной эпохи принадлежит В.В. Радлову, раскопавшему в 1865 г. несколько курганов у сел Берель и Катанда. В 1920–1960-х гг. немногочисленные захоронения 1-й пол. I тыс. н.э. были исследованы С.И. Руденко (Кокса, 1925 г.) и А.А. Гавриловой (Пазырык, 1949 г.), С.В. Киселевым (Туэкта, 1937 г.), С.С. Сорокиным (Пазырык, Балыктыюль, 1967 г.). Отсутствие комплексов, датирующихся рубежом эр, обусловило искусственную затянутость верхней границы скифской эпохи и породило нескольких гипотез относительно судьбы племен пазырыкской культуры (Грязнов, 1939; Киселев, 1949; Руденко, 1960). Наиболее развернутые культурно-хронологические построения предложили А.А. Гаврилова (1965) и С.С. Сорокин (1977).

Перечисленные археологические источники были получены случайно, преимущественно в ходе раскопок экспедиций столичных научных учреждений нашей страны некрополей пазырыкской культуры. Культурно-хронологический статус открытых объектов напрямую привязывался к формирующимся концепциям культурогенеза населения Алтая скифского времени и средневековья, доминирующей оказалась оценка об их переходном характере в схеме развития ранних и поздних кочевников. Главным фактором, определявшим своеобразие историко-культурных процессов на этой территории в 1-й пол. I тыс. н.э., считалась военно-политическая гегемония в Центральной Азии в конце III в. до н.э. – I в. н.э. державы Хунну. Окончание хунно-сяньбийского времени связыва-

лось с появлением погребений тюркской культурной традиции. Несмотря на ограниченный объем источников, оказалось выделено несколько типов могил (берельский и одинцовский), демонстрировавших таким образом этнокультурную ситуацию в Горном Алтае в обозначенную эпоху.

1.2. Результаты изучения и интерпретации погребальных комплексов в 1980–1990-е гг.

1980-е гг. открывают новый этап изучения хунно-сяньбийского времени Горного Алтая (Мамадаков, 1990; Елин, 1991; Соенов, 1997). Он отличается значительным расширением источниковой базы благодаря систематическим полевым исследованиям, осуществленным в основном научными центрами г. Барнаула, Горно-Алтайска, Кемерово, Новосибирска. По итогам такой деятельности было подготовлено большое число работ, посвященных анализу предметного комплекса, погребального обряда, антропологического состава населения, истории изучения и историографии. Полученные массовые материалы открыли перспективы для реконструкции различных аспектов развития этого региона в конце I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э., что отражало появление развернутых концепций и неоформленных в целостные построения точек зрения по ряду важных вопросов.

Сложившиеся мнения о культурно-хронологическом статусе рассматриваемых комплексов демонстрируют несколько подходов. Согласно первому на обозначенной территории в указанный исторический период существовали два или несколько разных по происхождению и хронологии типов или групп памятников, представляющих самостоятельные традиции: берельский и кок-пашский типы без четкой территориально-хронологической приуроченности (Тетерин, 1991); булан-кобинский (Центральный Алтай), кок-пашский (Восточный Алтай), берельский (регион, прилегающий к Восточному Казахстану) (Савинов, 1987), а также айрыдашский (Средняя Катунь) типы, неодинаковые по времени появления (Елин, 1990; 1992; 1997; Васютин, 1991, 1993; Савинов, 1994). Другой подход – выделение одной булан-кобинской культуры с двумя или более типами объектов, которая прошла в своем развитии ряд этапов: I в. до н.э. – II – III вв. н.э. и III – IV вв. н.э. (Мамадаков, 1990, 1994); II – I вв. до н.э., I – II вв. н.э., III – V вв. н.э. (Соенов, 1997). А.С. Суразаков (1992) попытался обосновать кудыргинскую культуру конца I тыс. до н.э. – середины VII в. н.э. с кудыргинским, булан-кобинским, айрыдашским типами или группами объектов. Наконец, Ю.С. Худяков (1986, 1993, 1998) говорит о булан-кобинской и кок-пашской культурах, отдельно рассматривая берельский тип, связываемый им с ранними тюрками во главе с родом Ашина до создания каганата.

Исследователи единодушны в оценке, что Горный Алтай испытал на себе сильное влияние культуры хунну в связи с переселением новых групп населения из Центральной Азии, вступивших в контакт с местными племенами позднескифского времени. Миграция на эту территорию происходила также

в течение 1-й пол. I тыс. н.э. и обусловила неоднородность проживавших там кочевников. Распространенным является мнение о генетической преемственности «булан-кобинцев» и тюрок, которое в крайней форме выразил В.А. Могильников (1980, 1992, 1996).

Свою позицию по проблемам датировки высказали Ю.В. Тетерин, А.М. Илюшин, С.Г. Скобелев, В.И. Молодин, Э.Б. Вадецкая. В заключении отметим опыт изучения антропологических материалов А.Р. Кимом, А.В. Дремовым, Т.А. Чикишевой, Д.В. Поздняковым.

Накопленные, частично систематизированные и введенные в научный оборот сведения нуждались в многосторонней интерпретации, их реконструктивном осмыслении с опорой на различные методики с учетом максимального числа известных и новых памятников.

1.3. Современный этап изучения горно-алтайских памятников II в. до н.э. – V в. н.э.

С конца XX – начала XXI вв. наступает современный этап изучения памятников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени, особенностью которого является увеличение спектра проблематики и направлений исследовательской деятельности. Проведение раскопок на уже известных и впервые открытых комплексах, более широкое издание этих материалов, успехи в интерпретации памятников пазырыкского и тюркского периодов, предоставили дополнительные возможности для разработки вопросов хронологического и этнокультурного характера, что способствовало корректировке ранее сделанных выводов, а также появлению новых концепций. Важной тенденцией стало появление большего числа аналитических статей и монографических обобщений (Соенов, 2003; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Молодин, Полосьмак, Новиков, Богданов, и др., 2004; Тишкин, Горбунов, 2005) на фоне сокращения по сравнению с 1980–1990-х гг. масштаба полевых работ. Основная группа специалистов (А.Ю. Борисенко, А.С. Васютин, В.В. Горбунов, В.И. Соенов, Ю.В. Тетерин, А.А. Тишкин, С.В. Трифанова, Ю.С. Худяков) проводят научные изыскания преимущественно в рамках вещеведческого анализа, что дало определенные положительные результаты по осмыслению историко-культурной ситуации, имевшей место в этом регионе в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Большое значение имеют данные раскопок памятника Яломан-II, предоставившие возможность для воплощения при их интерпретации междисциплинарного подхода (Тишкин, 2004, 2005; Тишкин, Хаврин, 2004; Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, Горбунова, 2005). Опираясь на типологию инвентаря и изучение особенностей погребального обряда, А.А. Тишкин и В.В. Горбунов (2005) разработали развернутую схему периодизации булан-кобинской культуры, этапы которой (усть-эдиганский, бело-бомский, верх-уймонский) соотносились с основными вехами истории номадов Центральной Азии, отражающими смену господства там военно-политических объединений Хунну, Сяньби, Жужаней. Продолжается кра-

ниологическое исследование антропологических материалов Т.А. Чикишевой, Д.В. Поздняковым, С.С. Тур. Целенаправленным изучением разных компонентов погребальной практики горно-алтайских кочевников II в. до н.э. – V в. н.э. занимался и автор настоящего исследования.

В настоящий момент изучение культуры кочевников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени требует применения комплексного подхода в интерпретации источников, продолжения работы по типологии предметного комплекса, антропологической обработки остеологических коллекций, углублению анализа различных элементов погребального обряда, их многосторонней корреляции, а также переориентацию на реконструкцию системы мировоззрения и социальной структуры населения.

1.4. Опыт социальной интерпретации археологических материалов

Одной из ведущих проблем в изучении социальной структуры населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. было выделение социально-диагностирующих признаков погребальной обрядности. Первая работа в этом направлении проделана В.Н. Елиным (1989), рассмотревшим отдельные составляющие общественной организации кочевников Восточного Алтая предтюркского периода. Опыт палеодемографической характеристики материалов хуннского времени могильника Усть-Эдиган принадлежит Ю.С. Худякову (1994). Некоторые особенности половозрастной и социально-имущественной стратификации «булан-кобинцев» на примере детских погребений выявлены Ю.Т. Мамадаковым (1997). Свой подход к реконструкции социальной организации и демографической ситуации на заключительном этапе хунно-сяньбийской эпохи предложен С.А. и А.С. Васютиными (1997, 2003, 2005) на основе археологических и антропологических данных некрополя Кок-Паш. А.Н. Садовым и С.С. Онищенко (2003) осуществлено моделирование системы жизнеобеспечения населения Восточного Алтая IV – V вв. н.э. Для проведения палеосоциального исследования заслуживают внимания некоторые выводы Ю.С. Худякова, В.В. Горбунова, Ю.В. Тетерина, А.Ю. Борисенко, А.А. Тишкина, С.В. Трифановой в связи с анализом предметного комплекса. Серия публикаций в русле социальной археологии подготовлена С.С. Матрениным (2004–2005). В целом, социальная тематика начинает оформляться в отдельное направление изучения культуры кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. в конце XX – начале XXI вв. Представления об уровне общественного развития «булан-кобинцев» сводятся пока в основном к констатации неоднородности коллективов, оставивших отдельные могильники, хотя исследователи разделяют позицию о наличии у проживавшего там населения сложной социальной организации, базировавшейся на родоплеменной системе и характеризующейся пересечением нескольких типов стратификации (половозрастной, социально-имущественной, профессиональной). Рассмотренная совокупность публикаций свидетельствует о большой информационной значимости для реконструкции социогенеза изучаемой общности археологических источников.

Таким образом, эволюция научных взглядов на культуру населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. прошла в своем развитии три этапа (2-я пол. XIX в. – 70-е гг. XX в.;1980–1990-е гг.; конец XX – начало XXI вв.), которые отличались разным состоянием накопления материала, методикой его получения, анализа и интерпретации, определявших основные аспекты исследовательской деятельности. По-прежнему не достаточно разработанными остаются проблемы хронологического разграничения памятников, определения компонентов в генезисе новых культурных традиций, влияния на данный процесс внешнеполитического фактора, реконструкции форм и результатов взаимодействия различных групп населения, изучения социальных отношений и некоторые другие дискуссионные вопросы. Располагаемый к настоящему моменту объем археологических источников достаточен для проведения целостного исследования социальной структуры «буланкобинцев». Основой для этого будет многосторонний анализ погребальной обрядности, чему посвящена следующая глава нашего исследования.

Глава II. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

2.1. Топография и планиграфия погребальных памятников

Выбор места под погребение отражает важный этап похоронного ритуала. Выявление закономерностей топографии и планиграфии некрополей дает разнородные сведения для проведения реконструкций различных сторон жизнедеятельности древних народов. Имеющийся объем источников позволил обозначить общие, особенные и единичные признаки пространственной организации погребальных комплексов, а также определить возможности их интерпретации для характеристики социального развития населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Основная масса памятников Северного и Центрального Алтая расположена в бассейне Катуни, а также наиболее крупных ее притоков – Чуи и Урсула, на высоких и низких террасах или в межгорных котловинах. Могильники других районов сосредоточены в долинах Чулышмана, Башкауса, Б. Улагана, Курайки, Чаган-Узуна, Ак-Алахи, верховьях Бухтармы, Чарыша. Они обычно приурочены к приустьевой части рек. Мы выделили несколько компактных скоплений, имеющих некоторые отличия в обряде и, вероятно, отражающих границы расселения определенных локально-территориальных коллективов. Крайние рубежи распространения буланкобинской культуры соотносятся со среднегорьями – низкогорьями Алтая, охватывая зону, максимально пригодную для ведения яйлажно-горнодолинного скотоводства. Могильники, как правило, привязывались к зимним стойбищам. Правомерно говорить о двух вариантах топографии (Соенов, 1997), не связанных с хронологическими и социальными факторами: 1) на легко доступных, открытых участках местности (высокие и низкие ровные террасы, межгорные котловины); 2) в «укромных» местах,

на небольших изолированных террасовых плато, у подножья холма, горы, ее склоне, наклонной плоскости террасы, седловине.

Устойчивым этнокультурным и хронологическим показателем является планиграфия захоронений. Памятники II в. до н.э. – V в. н.э. включены в состав разновременных комплексов, реже находятся отдельно от объектов предыдущих эпох. «Булан-кобинцы» не «привязывали» свои могилы к пазырыкским и нередко намеренно пытались от них обособиться. Не известно случаев нахождения погребений II в. до н.э. – I в. н.э. рядом с объектами конца IV – III вв. до н.э. Выявлены такие базовые модели планиграфии булан-кобинских захоронений: одной цепочкой с севера на юг и с отклонениями; несколькими цепочками с отклонениями по меридиану, реже – широтно, образующими плотные ряды; пристроенные курганы, расположенные в одну линию по разным направлениям; пристроенные объекты образуют «соты» из смежных надмогильных конструкций; одиночные или парные отдельно стоящие курганы. Многие особенности планиграфии анализируемых памятников (максимальная концентрация курганов, «рядность», пристройка, «соты») имеют пришлый характер. «Рядность» и тесное расположение сооружений сохраняются на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э., традиция пристройки распространяется во II – V вв. н.э. Реализация метода социальной планиграфии дала следующие результаты: планировка некрополей не связана с аильным или куренным типами поселков; большинство детских захоронений совершались рядом с женскими; мужские и женские погребения чаще располагались раздельно либо составляли скопления с преобладанием мужчин; практика компактного сооружения курганов детей, женщин, мужчин фиксируется редко; более тесную локализацию имеют обычно могилы, примерно схожие по степени «богатства» или «бедности» инвентаря; у «булан-кобинцев» существовали «социально-имущественный», «профессионально-половой», и, вероятно, слабо выраженный семейный принципы размещения погребений; вопрос о соотнесении могильников и расположенных на их площади объектов с определенными институтами булан-кобинского социума остается открытым.

2.2. Классификация погребальных сооружений

Под погребальным сооружением понимается недвижимый артефакт, неотделимый от внешней среды, предназначенный для помещения тела, костных останков человека, сопроводительного инвентаря, иногда жертвенных животных. На организацию такого сакрализованного пространства влияли разные факторы. Этот компонент обряда захоронения несет на себе также определенную этнокультурную нагрузку.

Классификация погребальных сооружений базировалось на данных 571 объекта из 38 могильников, содержавших 581 захоронение. Мы выделили набор наиболее показательных и надежно фиксируемых параметров. Систематизация этих сведений осуществлялась посредством сочетания признаков в рамках шестичленной схемы, каждая единица которой включала в

себя одночленные и составные показатели в зависимости от степени их всеобщности для выбранной категории, разного уровня изменчивости во времени и пространстве. *I. Категория* – комплекс взаимосвязанных наземных и внутримогильных конструкций; *II. Группа* – наличие или отсутствие курганной насыпи, впускное захоронение; *III. Разряд* – конструктивные элементы надмогильных сооружений: кольцевые и прямоугольные выкладки-крепиды, многослойные выкладки-стенки, их отсутствие; *IV. Раздел* – количество могил для людей: одна, две, три; *V. Отдел* – конструкция могильной ямы (простая яма, с приступкой по длинной стенке, с заплечиками, с подбоем), погребение на древнем горизонте; *VI. Тип* – вид основной камеры, предназначенной для непосредственного помещения тела человека: каменный ящик, деревянный ящик, каменно-деревянный ящик, колода, каменная обкладка, яма, отсутствие таковых; *VIa. Подтип* – дополнительные детали оформления камеры: перекрытие, общая целостность сооружения, сочетание разных внутримогильных конструкций.

В ходе таксономического группирования было получено 56 типов погребальных сооружений Горного Алтая II в. до н.э. – V в. до н.э. Основные традиции возведения таких конструкций демонстрировали такие сочетания. Тип 1 (22%) – курган с кольцевой крепидой с простой ямой и каменным ящиком. Тип 2 (6,6%) – обладает аналогичными параметрами насыпи и могилы, камера представлена деревянным ящиком. Тип 3 (7,7%) – отличается от предыдущего наличием каменно-деревянного ящика. Тип 5 (5,2%) – курган с кольцевой крепидой, простой ямой с каменной обкладкой. Тип 6 (24,8%) – объект с кольцевой крепидой и камерой в виде простой ямы. Тип 8 (1,4%) – отличие состоит в яме с приступкой по длинной стенке. Тип 13 (0,7%) – под насыпью с кольцевой крепидой яма с подбоем и каменным ящиком. Тип 18 (11%) – его особенность кольцевая выкладка-стенка вокруг простой ямы с каменным ящиком. Тип 40 (1,9%) – сочетание прямоугольной крепиды, простой ямы, колоды. Тип 41 (1%) – отличается от предыдущего камерой в виде каменной обкладки. Тип 45 (0,7%) – курган с прямоугольной выкладкой-стенкой, простой ямой, деревянным ящиком. Остальные 45 типов (16,8%) отражают несущественные вариации выше описанных ситуаций.

Классификация объективно показала все многообразие погребальных сооружений разного порядка (эволюционные изменения, неоднородность происхождения, сложные процессы взаимодействия населения, сохранность объектов, мировоззренческий фактор и др.), позволила выявить общие и локальные традиции их устройства, проследить генезис последних.

2.3. Способы захоронения и виды погребального ритуала

Важным культурно-хронологическим признаком погребального обряда выступает способ захоронения. Он включает в себя совокупность описаний вида погребения человека, положения тела покойного, его различных частей

относительно друг друга, дна и стенок камеры, сторон горизонта, оформления сопроводительных захоронений животных. Основным видом погребения населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени была ингумация, преимущественно одиночная (95%), реже – парная (3,6%) и коллективная (1,3%). Выявлено три типа кенотафов: «классические», «миниатюрные», «поминальные». Анализ ориентации умерших людей по сторонам горизонта на основе методики, разработанной В.В. и В.Ф. Генингами (1985), показал, что у «булан-кобинцев» этот показатель был связан с движением солнца и отражал похороны в разные времена года. Основная масса случаев связана с традициями западной и восточной ориентировки, из которых для первой определяющей была точка восхода солнца. При трупоположении головой «на восток» на одних памятниках использовался заход, на других – восход солнца. В количественном отношении они равноценны и сосуществовали в течение II в. до н.э. – V в. н.э. Западное направление доминирует в Северном, возможно, Южном, Юго-Восточном Алтае, а восточное – в Центральном и Восточном Алтае.

Господствующим типом позы умерших являлось трупоположение на спине с прямыми ногами (83,1%). Реже встречались положения: на спине со слегка согнутыми ногами (4,6%); на спине с разворотом верхней части тела на бок с прямыми (1,3%) и слегка согнутыми (2,9%) ногами; на правом (3%) или левом (1,9%) боку со слегка согнутыми ногами (4,9%); на правом боку с сильно подогнутыми ногами (0,3%); на левом боку вытянутыми нижними конечностями (0,3%); на животе с прямыми (0,3%) и подогнутыми ногами (0,1%). Погребения на боку или с завалом на бок характеризуют главным образом начальный этап булан-кобинской культуры. Выявлена корреляция захоронения на правом боку с ориентацией головой «на восток», а погребения на левом боку с западным направлением.

Важным признаком была ингумация человека с лошадью, отмеченная в 14,6% погребениях, в основном Центрального (71,9%), в меньшей степени Северного и Южного Алтая. Анализируемый показатель не обнаружен в Северо-Западном, Восточном и Юго-Восточном Алтае. Своеобразием булан-кобинской культуры является вариативность размещения животных в могиле относительно человека («сверху» – 40,4%; «в ногах» – 26,9%; сбоку – 32,5%; в отдельной яме –1,1%), отражающая разные по происхождению традиции, имеющие неодинаковое территориально-хронологическое распределение. Особенности абсолютного большинства захоронений в сопровождении лошади во II в. до н.э. – V в. н.э. не связаны напрямую со свидетельствами, зафиксированными для «пазырыкцев», и указывают на определенное родство булан-кобинской и тюркской обрядности.

Второстепенными элементами похоронного ритуала было помещение в могилу мясной пищи (обычно курдюк овцы), каменные столбики и камни-стелы у курганов, тризна (остатки керамики, кости животных),

угли, ритуальные костры, различные манипуляции с трупами (трепанация, мумификация, отчленение частей тела).

Для создания полного представления о способах трупоположения нами предпринята классификация, включавшая такие таксономические уровни. *II. Группа* – количество людей в могиле, совершение «классических» и «миниатюрных» кенотафов; *III. Разряд* – наличие или отсутствие сопроводительного захоронения лошади; *IV. Раздел* – вариант размещения лошади по отношению к человеку; *V. Отдел* – ориентация человека головой относительно главных направлений горизонта; *VI. Тип* – основная поза человека; *VIа. Под*тип – особенности положения верхней части туловища и ног покойного. В итоге было получено 32 типа ингумации кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

2.4. Особенности погребального обряда носителей булан-кобинской культуры

Проанализированный корпус источников свидетельствует о существовании в Горном Алтае во II в. до н.э. – 1-й пол. V в. н.э. одной, булан-кобинской, культуры. Показатели погребального обряда изучаемой общности представлены двумя основными блоками. 1. Комбинация наиболее массовых признаков, описывающая не менее 50% памятников на протяжении изучаемого периода: компактное расположение курганов рядами небольшие насыпи с кольцевыми крепидами, простая неглубокая могильная яма, ориентированная в широтном направлении и с разными отклонениями, одиночная ингумация головой в восточный и западный сектор, положение на спине с прямыми или слабо согнутыми ногами, погребальная камера в виде ящика. 2. Показатели с частотой встречаемости до 33%, не образующие устойчивого набора: пристройка, «сотовая» планировка курганов, кольцевые выкладки-стенки, прямоугольные выкладки крепиды и стенки, вариативность размещения лошади (при доминировании положения «сверху», в «ногах» в человека в разных позах), конструкций могил, камеры в виде колод, большой удельный вес каменных обкладок, ям без внутримогильных сооружений, редкость мясной пищи.

Формирование булан-кобинской культуры было результатом взаимодействия различных племен позднескифского времени, проживавших преимущественно в Верхнем Прииртышье, пограничных с Монголией и Тувой областях Юго-Восточного Алтая, Северном, Северо-Западном Алтае и групп населения, мигрировавших из Центральной Азии после завоевания на рубеже III– II вв. до н.э. хунну Саяно-Алтая и перенесения около 120 г. до н.э. столицы их державы в Северную Монголию. В данном процессе могла иметь место политика хунну по насильственному переселению народов. Между пазырыкской и булан-кобинской культурами отсутствует прямая генетическая связь. Памятники бело-бомского и верх-уймонского этапов обнаруживают устойчивую преемственность с традициями, поя-

вившимися во II в. до н.э. – I в. н.э. Во II – V вв. н.э. происходит локальная инфильтрация в Южный, Юго-Восточный, Восточный Алтай новых групп центрально-азиатских кочевников. У немногочисленной группы номадов сложились нормы обрядности, характерные впоследствии для тюрок. Погребальный обряд остается вариабельным на протяжении всей хунно-сяньбийской эпохи, не являясь надежным хронологическим индикатором.

По результатам корреляции типов погребальных сооружений и типов ингумации мы выделили несколько типологических групп погребений. Каждая группа объединялась связью объектов по множеству их частных свойств, значительно превышавшую подобную связь с другими объектами, но не объединявшая их общностью учитываемых характеристик (Клейн, 1991). Им были даны наименования (улуг-чолтухская, карбанская, дялянская, айрыдашская, берельская, верх-уймонская, курайская, кок-пашская) по названию могильников, где они представлены в наиболее «чистом» виде или составляют преобладающее количество исследованных захоронений (Матренин, 2005). В Горном Алтае в хунно-сяньбийское время отсутствовала господствующая традиция реализации погребального ритуала и наблюдается поливариантность развития. Неодинаковое соотношения в отдельных частях Горного Алтая указанных единиц (преобладание «карбанцев» в Северном Алтае; «улуг-чолтухцев», «кок-пашцев» в Центральном и Восточном Алтае; отсутствие «яломанцев» за пределами Центрального Алтая; доминирование «курайцев» в Юго-Восточном и Южном Алтае и т.д.) отражало преобладание там различных исходных пришлых и местных этнокультурных компонентов, свидетельствовало о незавершенности процесса этногенеза. Разная концентрации типологических групп позволила смоделировать сложную картину расселения и взаимодействия номадов, отражением чего являлось наличие в рамках Горного Алтая нескольких территориальных групп (Северная, Центральная, Восточная, Юго-Юго-Восточная, возможно Северо-Западная) и локальных подгрупп (Верхне-Катунская, Средне-Катунская, Урсульская, Чуйская, Ак-Алахинская, Чулышманская, Улаганская, Бухтарминская ?, Верхне-Чарышская ?) памятников.

Глава III. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э.

3.1. Половозрастной анализ и выделение социально обусловленных показателей погребальной обрядности

Начальным этапом изучения социальной сферы был половозрастной анализ, который позволил выделить признаки похоронной практики, не зависевшие от пола и возраста покойных, установить показатели обряда, присущие отдельным половым и возрастным группам населения, описать статус людей в течение всей жизни, определить этапы социализации. Базовым принципом такой процедуры стала многоступенчатая статистическая систематизация материала с целью выявления стандарта погребаль-

ного обряда (комбинация признаков, отмеченная для 50% и объектов), отражающего атрибуты «ядра» социума и его отклонения, фиксирующие разные аспекты неравенства индивидов. Обработка данных 122 детских, 120 женских, 224 мужских захоронений по открытому списку признаков, разбитых на три блока (погребальные сооружения, способы захоронения и погребальный ритуал, сопроводительный инвентарь) показало, что погребальный обряд был второстепенным по социальной значимости параметром: размеры могил и мясная пища, отражали в основном половые и/или возрастные, отчасти «этнические» различия; захоронение с лошадью являлось этносоциальным и возрастным индикатором; другие параметры не несли такой нагрузки. Главным критерием половозрастной, социально-имущественной, профессиональной стратификации буланкобинского населения был сопроводительный инвентарь. Для его изучения применялся метод сопряженных групп, направленный на выявление тенденций корреляции видов и категорий изделий, в составе отдельных предметных комплексов (вооружение; костюм и украшения; бытовые предметы; предметы культа; орудия труда; снаряжение верхового коня), а также установление особенностей взаимной встречаемости артефактов разных комплексов. В результате удалось определить более или менее устойчивые совокупности признаков с высокой (совпадение переменных со значением от 60%), средней (от 40 до 60%), слабой (менее 40%) связью, а также показатели, обладающие одинаковой сочетаемости с большинством элементов инвентаря для представителей женской и мужской части нашей серии. Это позволило провести предварительную оценку «социального веса» всех категорий вещей.

Стандарт погребального обряда и инвентаря населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени оказался следующим. *Дети*: одиночные захоронения глубиной 0,5 – 1 (средняя 0,7) м в Северном и Центральном Алтае на усть-эдиганском, до 0,5 (0,4) м в Северном, 0,5–1 м в Центральном (0,6 м) и Восточном (0,7 м) Алтае, 1–1,5 (1) м в Юго-Восточном и Южном Алтае на бело-бомском, 0,5–1,5 (0,8) м в Центральном, 1 – 1,5 (1,2) м в Северном, 0,5 –1 (0,8) м в Восточном Алтае на верх-уймонском этапах; отсутствие захоронения лошади, мясной пищи, инвентаря у детей до 2,5–3 лет; отсутствие верховых коней, минимальное число вещей (в основном керамическая посуда, маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески, бусы – II в. до н.э. – I в. н.э.; ножи, бусы, костяные подвески, другие изделия – II – V вв. н.э.), не образующих устойчивых наборов у лиц 4–13 лет; сочетание нескольких категорий, в том числе, поясов, у подростков 11–14 лет (II – 1-я пол. IV вв. н.э.). *Женщины*: одиночные погребения глубиной 0,5–1 (0,6) м в Северном, 0,5–1,5 (0,9) м в Центральном Алтае на усть-эдиганском, до 0,5 (0,4) м, 0,5–1 (0,6) м, 1,5–2 (1,6) м соответственно в Северном, Центральном, Восточном, Южном и Юго-Восточном Алтае на

бело-бомском, 0,5–1 (0,7) м в Центральном, 1,5–2 (1,8) м в Восточном, не менее 1 (1,2) м в Северном Алтае на верх-уймонском этапах; маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески, бусы и (или) серьги, керамическая посуда во II в. до н.э. – I в. н.э., пояса или маленькие металлические украшения, реже их сочетание во II – 1-й пол. IV вв. н.э., орудия труда (обычно ножи), многочисленность маленьких металлических бляхнашивок, подвесок во 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. *Мужчины*: одиночные могилы глубиной 1–1,5 м в Центральном (1,3) и Северном (1) Алтае на усть-эдиганском, до 0,5 (0,4) м в Северном, 0,5–1 (0,7) м в Центральном, 1,5–2 м в Восточном (1,8), Южном (1,8), Юго-Восточном (1,5) Алтае на бело-бомском, 1 – 1,5 (1) м в Северном, 0,5 –1,5 (1,1) м в Центральном, 1,5–2 (1,8) м в Восточном Алтае на верх-уймонском этапах; оружие дистанционного боя, пояса (чаще наборные) во II в. до н.э. – V в. н.э., их сочетание с маленькими металлическими бляхами-нашивками во II в. до н.э. – I в. н.э., либо орудиями труда (ножи, костяные наконечники стрел) во II – V вв. н.э. Сделанные выводы и обработанные данные стали основой для воплощения следующих ступеней программы палесоциального исследования.

3.2. Реконструкция палеодемографической ситуации и физико-генетической структуры общества

Демографический анализ направлен на оценку результатов адаптации древнего населения к конкретным историко-экологическим условиям. Систематизация данных по отдельным физико-генетическим группам, вычисление таблиц смертности, отражающих корреляцию различных показателей признаны достаточно эффективным способом реконструкции демографической ситуации по антропологическим материалам из древних погребений. Для этого нами привлечены половозрастные определения останков 260 человек из 26 могильников.

Средняя продолжительность жизни детей у номадов Горного Алтая хунно-сяньбийского времени составляла 5,9 года, а взрослых людей 36,6–37,2 лет. Анализ основных палеодемографических параметров выявил доминирование в структуре палеопопуляции мужчин над женщинами по численному соотношению, средней продолжительности жизни, процентному распределению возрастных подгрупп, доживаемости до старости. Нами было охарактеризовано три пика повышенной смертности, зафиксированных для детей 0–6 лет (18,8% всего населения; 57,6% детей), женщин (20–25 лет – 32,8), мужчин 25–42,5 (45) лет (25–30 лет – 20,18%; 30–35 лет – 18,34%; 35–40 лет – 19,26%; 40–45 лет – 16,5%), которые были вызваны действием разных социальных факторов.

С большой долей вероятности следует говорить о наличии у «буланкобинцев» следующих возрастных ступеней: детство (до 14–15 лет), юность (14 – 19 лет) зрелость (20 – 45 лет), старость (с 45–50 лет). Жизненный цикл ребенка включал «младенчество» (до 2,5–3 лет), «детство»

(2,5 (3)–6 (7) лет), «отрочество» (7–13 (14) лет). В располагаемой выборке наблюдается система возрастных групп, регулируемая генеалогическим принципом, в соответствии с которым статус человека определялся главным образом происхождением, неодинаковым социально-имущественным положением. Существенное влияние на место человека в рамках половозрастной стратификации оказывали субъективные качества, индивидуальные параметры физиологического развития.

В булан-кобинском обществе имела место традиционная для многих номадов физико-генетическая структура, характеризующаяся социальным приоритетом возмужалых и зрелых мужчин при достаточно высоком общественном положении женщин и ограниченной значимости детей. Демографическая модель населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени обладала средними и «нормальными» для рассматриваемой эпохи показателями, отражающими общие тенденции развития кочевых народов Центральной Азии и являющихся результатом эффективного процесса адаптации к природно-климатическим условиям этой территории.

3.3. Моделирование социальной структуры населения

Моделирование это обязательный этап изучения структуры древних народов на базе археологических источников, ориентированный на определение механизмов, регулирующих объединение людей в социальные группы, слои и другие институты, а также особенностей взаимодействия индивидов в рамках этих образований и последних друг с другом. Модель в этом контексте – относительно устойчивая комбинация признаков, полученная с помощью некоторого набора корреляционных принципов обработки эмпирического материала, отражающая социальное, имущественное, профессиональное положение индивидов, включенных в определенную совокупность людей в структуре конкретной общности.

Нами были обоснованы критерии статуса человека в разных типах общественной стратификации на основе выделения в инвентаре комплексов *«власти»* (индикаторы военно-управленческого лидерства), *«богатства»* (признаки, маркирующие имущественный достаток, уровень материального благосостояния), *«производства»* (предметы, отражающие причастность людей к хозяйственной деятельности), *«культа»* (вещи, указывающие на выполнение «жреческих» функций). Их отражением были соответственно видовой и категориальный состав вооружения; снаряжение верхового коня, украшения, предметы костюма; бытовые предметы; орудия труда; предметы культа. Опираясь на различные параметры (качественно-количествен-ного сочетаемость, функциональное назначение, материальная ценность, сакрально-символическая значимость, «модность» вещей), удалось выявить наборы изделий со схожим значением социальной престижности. Предметы вооружения: 1) мечи, доспехи, копья; 2) боевые ножи (кинжалы), чеканы; 3) луки, железные наконечники стрел. Снаряжение верхового коня: 1) твердые седла, декоративно-функци-

ональная гарнитура узды; 2) остальные предметы. Украшения и предметы костюма: 1) гривны с крупными подвесками из драгоценного металла, бронзовые и золотые высокохудожественные изделия в «зверином» стиле, пластины-диадемы у женщин (во II в. до н.э. – I в. н.э.); 2) гривны, крупные металлические бляхи-нашивки, серьги (у мужчин), пластины-диадемы (во II – V вв. н.э.), колокольчики, кольца для женщин; 3) металлические и костяные ложечковидные застежки, обычные пряжки, поясная гарнитура, маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески и пронизи, накосники, булавки, серьги (у женщин); 4) бусы (бисер), каменные, костяные украшения, мелкие застежки. Бытовые предметы: 1) металлические котлы; 2) зеркала, гребни; 3) неметаллическая посуда, футляры. Для предметов культа (алтарики-курильницы, «гадальные фишки») градация не улавливалась. Орудия труда: 1) тесла; 2) все остальные предметы. Они демонстрировали главным образом социальные различия детей, а также общественное положение взрослых на уровне сравнения захоронений с немногочисленными невыразительными вещами и могил без инвентаря. При обосновании наличия в погребении того или иного набора было достаточно присутствия хотя бы одного маркирующего его предмета. Количество категорий и число их экземпляров в наборе являлось в некоторых случаях фактором внутригрупповой дифференциации.

Посредством корреляции всех четырех комплексов и входящих в них наборов было выделено четыре детских, девять женских, двенадцать мужских, восемь с неустановленным полом социальных групп, которые отражают вертикальную структуру населения булан-кобинской культуры, состоящую из военных предводителей, военных руководителей высшего уровня, уступающих им по рангу лидеров особой категории воинов, дружины, а также их жен (верхний слой), особой категории воинов, основной массы дружинников, их жен (менее привилегированный слой), рядовых общинников (средний слой), экономически разорившегося, вероятно, зависимого и неполноправного населения (нижний слой). Таким образом, в пределах одной схемы рассмотрено соотношение социальной, имущественной, профессиональной стратификации. Это позволило дать характеристику особенностям социальной организации.

3.4. Социальная организация булан-кобинских кочевников

Проведенные многосторонний анализ и интерпретация погребальной обрядности позволили реконструировать сложную социальную организацию кочевого общества Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э, в горизонтальной плоскости которой располагались половозрастная, семейно-брачная, а в вертикальной – профессиональная, социально-имущественная, генеалогическая структуры. Эталон социально-политического развития «булан-кобинцев» задавали взрослые мужчины, выполнявшие ведущие роли в жизни данного этнокультурного образования. Статус женщин складывался преимущественно под влиянием их семейного положения и поэтому в меньшей степени зависел от происхождения. Лица, со-

стоявшие в семейно-брачных отношениях, могли сохранять различия в отдельных показателях обряда захоронения, что указывает на незавершенность процесса этносоциогенеза. Большое значение на развитие этой общности оказывал военный фактор (не менее 70% мужчин было вовлечено в военное дело), что выражалось в существовании высшего (командного), среднего (особая категория воинов, дружина), низшего (ополчение) звеньев воинской иерархии, влиявших на социально-имущественное положение мужчин. Не решенным остается вопрос о социальном статусе служителей культа, а также выделении могил людей, занимавшихся сложными видами ремесел.

Социальная система «булан-кобинцев» базировалась на разветвленной кланово-племенной стратификации. Ее развитие определялось разными формами взаимодействия нескольких кланов, соотнесенных нами с типологическими группами погребений. Корреляция последних с социальными группами погребений показала неодинаковое общественное положение данных образований на определенных хронологических этапах в разных районах Горного Алтая, что отражает иерархию племен (кочевий), отождествляемых нами с территориальными группами памятников. Доминирующее в рамках всего этого региона во II в. до н.э. – V в. н.э. клановое подразделение пока не вычленяется.

Изучаемое общество отличалось достаточно высоким уровнем социально-имущественной неоднородности, вертикальной и горизонтальной мобильности, что, однако, не привело к возникновению сословий. Усиление дифференциации и вертикальной поляризации происходит во 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. позволяет рассматривать указанный отрезок времени как новую стадию социальной эволюции, отмеченную переходом от акефального устройства к устойчивой, по возможности регулярной политической системе и более ранжированной военно-иерархической структуре. Важным каналом институционализации и централизации на уровне отдельных племен было расширение функций военных предводителей и дружины, превращавшихся, вероятно, в самостоятельную ветвь власти. О формировании служилого слоя в строгом значении этого понятия говорить не приходиться.

Социально-политическое развитие Горного Алтая протекало на фоне его пребывания в составе хуннской империи (II в. до н.э. – I в. н.э.), жужаньского каганата (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.), а также в орбите военно-политического влияния сяньби (II – III вв. н.э.). Современный уровень накопления археологических материалов показывает отсутствие пока в пределах этой территории некрополей, представляющих элиту объединения всех булан-кобинских племен на протяжении хунно-сяньбийского периода. Социальная верхушка номадов была по своему характеру локальной. Близкие по хронологии аналогии данной особенности социально-политического устройства зафиксированы в письменных сообщениях об ухуанях после поражения от шаньюя Модэ (Таскин, 1980; Крадин, 2001).

Форма политического объединения носителей булан-кобинской культуры представляла, видимо, «племенную конфедерацию» без собственного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата, статус членов которой в течение II в. до н.э. – V в. н.э. был неодинаковым, что могло быть связано с поддержкой отдельных кланов центром кочевой империи («яломанцы», возможно, выступали в роли «наместников» хунну). Ее важные черты – отсутствие общетерриториальной стратификации кланов, сословного деления, слабость политической надстройки и надлокальной централизации, иерархической системы разграничения власти при наличии племенной неоднородности, развитой военной структуры, четко выраженной социально-имущественной дифференциации. Такая модель организации являлась результатом уничтожения и вытеснения в ходе северных кампаний хунну конца III – 1-й пол. II вв. до н.э. пазырыкской аристократии, обусловлена политикой «равновесия» центра империй номадов Центральной Азии по отношению к окраине, отражает общие закономерности развития кочевых обществ, для которых более высокий уровень консолидации являлся скорее вынужденной мерой. Полученные выводы доказывают правомерность оценки хунно-сяньбийского времени как особого этапа этносоциогенеза населения Горного Алтая.

В ***заключении*** подведены итоги работы, отражающие степень достижения поставленной цели и сформулированных задач. Результатом диссертации явилась реконструкция социальной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени на основе изучения данных погребального обряда булан-кобинской культуры. Историографическое исследование показало три этапа в развитии научных представлений на культуру кочевников обозначенного региона II в. до н.э. – V в. н.э., сохраняющийся приоритет за рассмотрением вопросов этнокультурного и хронологического характера, дискуссионность интерпретации погребального обряда, актуальность социальной проблематики. Систематизация информации по 607 погребениям, позволила провести планиграфический, классификационный, типологический, корреляционный анализ, выявить этнокультурное, хронологическое, локально-территориальное содержание разных элементов обряда захоронения. Выделено девять типологических групп погребений, отражающих традиции погребальной практики, многие из которых не связаны напрямую с «пазырыкским» наследием. Была воплощена комплексная программа палеосоциального исследования, максимально учитывающая специфику задействованных археологических источников и ориентирующаяся на их дальнейшее накопление: осуществлен половозрастной анализ, обоснован комплекс социально значимых признаков обряда захоронения и сопроводительного инвентаря, проведена реконструкция палеодемографической ситуации и физико-генетической структуры, моделирование социально-имущественной и профессиональной стратификации об-

щества. Это позволило нам проследить особенности социальной организации населения булан-кобинской культуры. Полученные выводы свидетельствуют о динамичных этнокультурных и социальных процессах, имевших место в Горном Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э., а кроме этого демонстрируют широкие перспективы для продолжения исследований в области реконструкции социальных структур кочевников Саяно-Алтая раннего железного века и средневековья.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Матренин С.С. Классификация погребальных сооружений булан-кобинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: материалы науч. конф. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 340–344 (0,5 п.л.).
2. Матренин С.С. Впускные погребения Горного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии: сб. науч. тр. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 98–106 (1 п.л.).
3. Матренин С.С. Некоторые особенности погребения человека с лошадью в курганах булан-кобинской культуры // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы. науч. конф. Омск: изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 331–334 (0,3 п.л.).
4. Матренин С.С. Особенности ориентации погребенных в курганах Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2003. С. 234–236 (0,3 п.л.).
5. Матренин С.С. Некоторые особенности топографии и планиграфии могильников Горного Алтая гунно-сарматской эпохи // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): материалы науч. конф. Кемерово: изд-во Кем. гос. ун-та, 2004. С. 266–268 (0,33 п.л.).
6. Матренин С.С. Социально обусловленные признаки погребального обряда населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Материалы XLII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск: изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. С. 40–42 (0,18 п.л.).
7. Матренин С.С. Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сб. науч. тр. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 81–86 (0,34 п.л.).
8. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии: сб. науч. тр. Омск: изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2004. С. 93–97 (авт. вклад – 0,15 п.л.).

9. Матренин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. науч. тр. Горно-Алтайск: изд-во АКИН, 2005. Вып. 1.С. 105–119 (1,6 п.л.).
10. Матренин С.С. Выделение критериев для моделирования социальной структуры кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: материалы науч. конф. Иркутск: изд-во РПЦ Радиан, 2005. С. 217–219 (0,2 п.л.).
11. Матренин С.С. Украшения и предметы костюма как источник для реконструкции социальной структуры кочевников Горного Алтая хунносяньбийского времени // Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. тр. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 189–195 (0,34 п.л.).
12. Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. науч. тр. Горно-Алтайск: изд-во АКИН, 2005. Вып. 2. С. 35–51 (1,8 п.л.).
13. Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. тр. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 93–98 (0,32 п.л.).
14. Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / Под. ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск: изд-во Иркутск. гос. тех. ун-та, 2005. С. 152–182 (авт. вклад – 2 п.л.).

Подписано в печать 15.11.05
Печать офсетная. Бумага для множительных аппаратов
Формат 60×90/16. Усл. печ.л. 1,0
Заказ №349. Тираж 100 экз.
Бесплатно

Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, Димитрова, 66